

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.А. Главан, В.В. Быконя

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО «ОДИН» И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ХАНТЫЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Томский государственный педагогический университет

В хантыйских диалектах наиболее употребительны следующие варианты числительного «один»: каз., шерк., шур., обд. *i* (*ij*) (атр.), *it* (неатр.); вах., вас. *əj*, сург. *əj* (атр.), вах., вас. *əjəl/əjət*, сург. *əjəl* (неатр.).

Числительное «один» в хантыйском языке имеет разную звуковую форму, которая обусловлена его функциональными особенностями. Форма на *-t/-l*, иначе неатрибутивная форма, употребляется при отвлеченном счете (*it*, *katn* «один, два») или как предикативная часть, выступая в самостоятельной функции (*pasti it* «быстрое одно»). Форма на *-j* употребляется в атрибутивной функции (*ij hə* «один мужчина», *kat hə* «двое мужчин») [1, с. 209].

Авторы монографии «Основы финно-угорского языкознания» полагают, что появление двух форм числительного «один» относится к угорскому периоду [2, с. 313]. Исключение составляет венгерский язык, хотя Л. Хонти и приводит в качестве доказательства примеры *egy ~ eggy*, подтверждающие существование такой формы. Так, в безударной позиции в атрибутивной функции числительное *egy* «один» стало использоваться в качестве неопределенного артикля, в неатрибутивной функции при счете числительное «один» *eggy* получало, вероятно, главное ударение, первоначальный *j в элементе *-gy* (*d'*) удлинялся и превращался в *d'd'* [3, с. 81]. В селькупском, как и в других самодийских языках, имеются атрибутивный и неатрибутивный варианты числительного «два», в отношении числительного «один» такой оппозиции не наблюдается.

Различия в корневых гласных числительного «один» (*ə ~ ə ~ i*) четко отражают звуковые соответствия по диалектам хантыйского языка. Переднеязычному *ə* в ваховском и васюганском диалектах (*əj* «один») соответствует *ə* в сургутском диалекте (*əj* «один») и *i* в западных диалектах (*i* (*ij*) «один»). В неатрибутивных вариантах числительного «один» (зап. *it* ~ вост. *əjəl*) согласному *t* западных диалектов соответствует согласный *l* восточных. Это закономерное звуковое соответствие в

хантыйских диалектах подтверждают и другие примеры, ср.: зап. *χut* «рыба» – вост. *kuł* «рыба» [2, с. 246]. Кроме того, в отдельных западных диалектах наблюдается также следующее звуковое соответствие: звонкому *l* обдорского диалекта соответствует в приобском глухой *ł* (в примерах также *Λ*) (каз.) или *t* (шур. и ср.-об.): обд. *χul* ~ каз. *χul* ~ шур., ср.-об. *χut* «рыба»).

Что касается происхождения и развития наименования первого элемента системы счисления, то большинство исследователей склоняются к мнению, что хантыйское числительное «один» имеет прономинальное происхождение [4, с. 236; 5, с. 162–163]. Предполагается, что первоначальное значение у хантыйского числительного *it / əj* «один» было «этот вот» [5, с. 162].

По данным большинства исследователей, первоначальной формой фин. *uksi*, удм. *odig*, коми *eti(k)* «один» и других в финно-угорском языке-основе было *ekte [5, с. 163; 6, с. 101], также *ek-t [7, с. 218].

По грамматическому строю формы финно-угорского числительного «один» условно разбиваются эстонским исследователем Э. Эрните на два исторических типа, которые наиболее отчетливо выражают их первоначальный структурный состав: 1) тип *ekte (фин. *uksi* < *ükte, удм. *odig* < *og-t-ik); 2) тип *enće (> *eñće > венг. *egy*) [5, с. 162].

Первый элемент числительного типа *ekte сопоставляется с финно-угорским корнем (*e- ~ ε- ~ i-*) указательного местоимения, которое выступает, к примеру, в следующих словах: фин. *että* «чтобы», лив. *jegà* (< *ekä) «каждый», хант. *in* «этот, тот», эрз. *ete* «этот, тот» и др. Э. Эрнитс предполагает также, что, если коми *eni* «теперь» и хант. *in* «только что, вот сейчас» тоже образовались от корня *e-* указательного местоимения [ср. 8, с. 212], то, возможно, имел место фонетический процесс *e > коми *e* (ср. *eti* «один»), хант. *i* (ср. *it* «один») [5, с. 163].

Суффикс **-k-* числительного «один» типа *ekte Э. Эрнитс сравнивает с *k*-овым формантом, обозначающим

начающим место (ср. фин. *kä: tākälä, sikälä*) [5, с. 163]. Последняя составная часть *-te имеет, по мнению ученых, прономинальное происхождение и была связана со счислением по парам [5, с. 162–163; 7, с. 215–216; 9, с. 107].

Таким образом, сравнивая оба типа финно-угорского числительного «один», Э. Эрнитс приходит к выводу, что они состоят: 1) из е-/i- прономинального корня (при этом при типе *ekte произошла поздняя лабиализация, ср. фин. *ükte); 2) k-ового и n-ового формантов, первоначально обозначавших место; 3) прономинального наращения -te [5, с. 163–164].

Позднее Э. Эрнитс выдвинул предположение, что одна и та же местоименная праоснова, дополненная различными элементами, привела к возникновению вариаций числительных с одинаковым значением, которые использовались для счета по классам. Так, первоначальное значение *ü-n-t' (> венг. *egy*) было «человек», и это числительное применялось при счете людей [3, с. 77]. Другие первоначальные формы числительного «один» были: *ü-k-t (> эст. *üks*) и *ü-j (> морд. *vejke*) [3, с. 77].

Гипотезу о местоименном происхождении финно-угорского числительного «один» выдвинул в свое время еще Г. Орбан, связывая его с предшественником местоимения, указывающего на что-либо близкое (ср. венг. *e* (*z*)). При этом гласный *ü в праоснове *ükte являлся прономинальным элементом, согласный *k произошел от предшественника частицы фин. *ka/kä*, а элемент *te являлся продолжением указательного местоимения [3, с. 76; 7, с. 164]. По мнению зарубежного исследователя Д. Паиса, венг. *egy* имеет связь с наречием *így* «так», образованного в свою очередь от местоимения *e*, указывающего на что-то близкое, и обозначало первоначально «это здесь». Г. Лако связывал венг. *egy* с хант. *ěj* «один» и заключил, что хант. «один» возникло из прономинальной основы *ě-* и прономинального суффикса *j* уральского происхождения. Таким образом, Г. Лако соглашается с объяснением Д. Паиса, что венг. *egy* и хант. *ěj* означало «это вот» → «первый» → «один» [3, с. 76 – 77]. К.Е. Майтинская тоже склонялась к этому выводу, считая, что финно-угорский указательный местоименный корень *i-/ě*, использовавшийся для указания на нечто неопределенное, мог превратиться в венгерском языке в неопределенное местоимение, а затем в числительное *így* > *egy* «один». По мнению исследовательницы, первоначальное обозначение венг. *egy* «от этого» было логичным, поскольку именно от числительного «один» начинается счет [10, с. 21]. Однако Л. Хонти опровергает эту гипотезу, поскольку ни в одном языке счет не начинался со слова «от этого», «два», «три» и т.д. [3, с. 77].

При этимологическом объяснении финно-угорского числительного «один» исследователи все же

изолируют хант. *it* и манс. *ääkwə*, наряду с венг. *egy* «один» от первого типа, к примеру, у В.И. Лыткина хант. *it* и манс. *ääkwə* «один» объединены с другими числительными первого типа под вопросом [8, с. 212].

Л. Хонти полагает, что если для мансийского еще можно признать общую для финно-угорских числительных «один» праформу *ükte, то хант. *ī, it* едва ли относится сюда, не говоря уже о венг. *egy* [3, с. 75]. Т.е. в первую очередь подверглась сомнению принадлежность хант. *ī, it* и венг. *egy* к финно-угорскому языку-основе. Для объяснения венг. *egy* современные этимологические словари предлагают два возможных толкования: а) происхождение от указательного местоимения; б) производное от основы венг. *el-* венг. *elö* «передняя часть» [3, с. 76].

Э. Эрнитс сомневается в существовании числительной функции *it* в прахантыйский период и предполагает, что *it* «один» не имеет прямой связи с типом *ekte, а «сходство – лишь благодаря е-/i-овому местоименному корню» [5, с. 162].

В отличие от большинства исследователей, Л. Хонти реконструирует числительное «один» в финно-угорском праязыке как *ike, *üke и не видит никакой связи между ним и указательным местоимением *e-. Устанавливаемые им праформы отличаются от других архетипов тем, что вместо сочетания *kt он видит лишь *k. Если предположить вместо сочетания *kt элемент *k, то, по мнению Л. Хонти, из финно-угорской праосновы можно было бы без затруднений вывести формы для мордовского и угорского числительного «один» [3, с. 79]. Так, например, в отношении мордовского числительного *vej-ke* «один» Б.А. Серебренников также реконструировал архетип в виде *ük-te, в котором элемент -te представляет видоизмененную частицу -tV, представленную также и в числительном *kavto, kavta* «два» [9, с. 109]. Некоторые наречия, представляющие застывшие падежные формы от существовавшей ранее основы *vej*, ср. эрз. *vej-s* «вместе» (букв. «воедино»), *vej-sě* «вместе» и т.д., показывают, что мордовская основа *ve* имеет без сомнения архетип *üke [3, с. 80]. По мнению Б.А. Серебренникова, в эрзя-мордовском языке на определенном историческом этапе существовали два слова – числительное *vej* «один» и существительное *vejke* «единичка», однако позднее *vejke* вытеснило *vej* и стало употребляться в значении последнего [9, с. 109].

Числительное «один» в угорских языках Л. Хонти предлагает выводить также от реконструкта *ike, *üke. В правенгерском, а также в обско-угорском праязыке произошел переход *~k~ > *~γ~, который в позиции рядом с *й лабиализовался в *γ^o, по крайней мере, в обско-угорском языке-основе. В истории обско-угорских языков в ряде случаев

известны колебания $*\gamma^o > * \gamma > *j$, вследствие которых в прахантыйском языке после палатального гласного мог иметь место переход $*\delta\gamma^o / *ё\gamma > *ёj$ [3, с. 80]. Для подтверждения фонетического перехода и соответствий хант. $*k > * \gamma > *j$ приводятся следующие примеры: вах. *kögəy*, ни., шер. *kerəj* «падать» [11, с. 676], вах. *tāgəy~*, сал., конд. *toḡaj*, ни. *torəj* «дрожать» [11, с. 1468; 12, с. 462], вах. *t'ogəy*, сал. *t'ogaj* «течь, протекать» [12, с. 494]. Л. Хонти приводит похожие соответствия согласных также и в мансийском языке, которые подтверждают его гипотезу о том, что хант. *j* числительного *ёj* «один» можно возвести через $* \gamma$ к $*k$ и, таким образом, к праформе $*ike$, $*uke$ [3, с. 80].

Неатрибутивный вариант хантыйского числительного *ёjəł* «один» включает в себя элемент *-əł*, который восходит к основе $*ёj$ -*əł* и является притяжательным суффиксом 3-го лица ед. числа [3, с. 81]. В неатрибутивных вариантах хантыйского числительного «один» (зап. *it* ~ вост. *əjəł/əjəł*) компонент *l/ł*, находясь в условиях чередования с согласным *t*, является, по мнению Л. Хонти, суффиксом, а не составной частью основы, что приводит к противоречию с гипотезой Б. Коллиндера и других ученых, соотносивших неатрибутивную форму хантыйского числительного *it* с финским *uksī* и его соответствиями (см. [3, с. 81–82]).

В связи с этим Л. Хонти соглашается с В. Штайнитцем и другими исследователями, которые отвергали или, по меньшей мере, ставили под сомнение родство венг. *egu* и хант. *ёj* / *ij* с фин. *uksī* и его соответствиями [3, с. 78].

Таким образом, в лингвистической литературе нет однозначного мнения относительно архетипа для хантыйского числительного *ij* ~ *əj* «один». Подобный разнобой в какой-либо языковой группе объясняется по-разному. Так, В.П. Мажюлис полагает, что числительное «один» образовалось в индоевропейских языках позднее, чем числительные «2» – «100» [13, с. 54]. Числительное «один» стоит особняком от остальных корневых числительных также и при образовании от него порядкового числительного, это, как правило, слово с другим корнем. По мнению В.З. Панфилова, «понятие «один» в индоевропейском праязыке могло связываться с несколькими названиями и закрепиться в дальнейшем за разными названиями в различных индоевропейских языках [14, с. 11].

Мы придерживаемся точки зрения Л. Хонти, согласно которой хантыйское числительное *ij/əj* «один» восходит к архетипу $*ike$, $*uke$.

Морфемное членение атрибутивных вариантов числительного *əj/ij* «один» в хантыйском языке позволяет выделить корневую морфему *ə-/ё* (в восточных диалектах) ~ *i-* (в западных диалектах) и суффиксальную морфему *-j*; в неатрибутивных ва-

риантах числительного «один» (вост. *əjəł* ~ зап. *it*) выделяются соответственно корневая морфема вост. *ə-/ё* ~ зап. *i-* и суффиксальные морфемы: *-j* + *-əł* / *-əł* / *-ət* (в восточных диалектах) ~ *-t* (в западных диалектах).

В синхронии корневую морфему *ə-/ё* числительного *əj* «один» в восточных диалектах хантыйского языка можно соотнести с корневой морфемой следующих слов: вах. *əsi* «все еще»; вах., вас. *əsipə* «сейчас же, немедленно, вот-вот». В западных диалектах корневая морфема числительного *it* «один» соотносится с корневой морфемой *i* следующих слов: каз. *it* «один» – каз. *imöłt'ijən* «однажды, вдруг»; каз. *imöxti* «немедленно, сразу»; *in* «сейчас, теперь». Для вышеперечисленных слов характерно наличие общей семы «единичность». Единичность, как отмечает А.В. Головнев, есть ускользающее мгновение, длящееся ровно столько, сколько необходимо для дополнения к нему другого, а затем разрешения двойственности в тройственность [15, с. 529].

От числительного «один» вост. *ёj-/əj-* ~ зап. *i/ij* образованы также наречия с семой «совместность» и наречия с семой «вечность, бесконечность», ср.: вах. *əjəmpä* «попутно, заодно»; вах., сург. *əjnə* «разом, сразу; заодно, вместе»; вах., вас. *əjlänə*, сург. *əjlatnə*, сал. *эмəttatnə* «однажды; наконец»; сург. *əjəkkə* «постоянно, навсегда»; вах. *əjalənpil*, сург. *əjalənpil* «постоянно, непрерывно; вечно»; вах. *əjwəsläti* «навсегда, навечно»; каз. *isa* «весь, совсем; всегда, всюду». Именно в вечности и сиюминутности заключается настоящее, единство, абсолют. Таким образом, корень *ə-/ё* ~ *i-* мог предположительно означать «единство».

Сему «стремления к единству» имеет также следующая группа слов: сург. *ət'i* «то же, тот же»; вах., вас., сург. *əjtamint* «такой, как этот»; сург. *əjkim* «одинаковый»; сал. *əjsig* «одинаковый»; вах., вас. *əjt'imint* «такой, как этот; точно такой же»; вах. *əjt'ut* «тот же»; вах. *əjwinčiw* «равный, одинаковый»; каз. *iš'it'i* «так, так же».

Обращают на себя внимание пары слов с противоположным значением: вах. *əjnäm*, сург. *əjnam* «весь, все, всё; совсем» – сал. *əjməttəpə* «ничего»; сург. *əjəy*, *əjyə* «вместе, совместно»; вас. *əjqa*, сург. *əjəqa*, *əjəqqə* «вместе»; тр.-юг. *əjjāta*, аг., сал. *əjjōta* «вместе, совместно» – вах. *əjätiləw* «частный, единственный»; сал. *əjqōjatpə* «никто». Общая сема в них – это выражение крайности, крайних противоположностей, единство которых означает «абсолют».

В семантике числительного «один» отражена идея целого. «Совершенная целостность, понимаемая как единица, объясняет приписывание числа «1», таким образом, к этой совершенной целостности, как бог или космос» [16, с. 630]. В древних

текстах данное число соответствует не столько первому элементу числового ряда в современном смысле, сколько понятию целостности, единства [10, с. 29]. Все в природе стремится к единице, т.е. к абсолюту. В философии под «абсолютом» понимаются совершенство, единство, начало начал, первооснова всего, то, откуда все выходит и куда все стремится в конечном счете. Значение «стремления к высшему, совершенству» присутствует также в семантике вах., сург. əsjəy «старый» (о человеке, животном); сург. ənəʃ, сал. ənət «большой, старший»; вах., вас. əllə «большой, старший». В даосизме, древнем китайском учении о дао (или «пути» (вещей), именно единица порождает двойку, двойка порождает тройку и т.д.

Таким образом, хантыйское числительное «один» могло означать «единство, начало, абсолют». Лексемы, связанные словообразованием с числительным əj в восточных диалектах, передают: а) единство, б) постоянство, в) мгновенность, г) единичность. Как «единство» трактуется числительное okkiŋ «один» в селькупском языке [10, с. 23] и как «единое целое» – числительное ɲoʷajʷ ~ ɲuʷojʷ «один» в нганасанском языке [17, с. 7]. Человек был неотъемлемой частью природы, составляя с нею единое целое.

Примеры употребления атрибутивных вариантов хантыйского числительного «один» (здесь и далее сохранено оригинальное написание примеров): каз. ij iməʃ pʷawŋem ən təjəʃ «одна женщина не имела детей» [18, с. 130]; сург. ʃəw pa juha pa ʃatəʃ, təp əj kəʃ jətəʃ «он с дерева на дерево перелетает, одно слово говорит» [19, с. 16].

В большинстве случаев вариант западного числительного ij используется в сочетаниях с существительным, начинающимся с гласного, а вариант i – с существительным, начинающимся с согласного.

Ср. каз. ij iki wənta mənəs «один мужчина в лес пошел» [18, с. 82]; imeŋən ikeŋən wəʃətən, ij ewi təjlətən «муж и жена живут, одну дочь имеют» [18, с. 84]; но: imeŋən ikeŋən wəʃətən, i pəx təjlətən «муж и жена живут, одного сына имеют» [18, с. 115]; i pūt-owew pa taʃ «один котел-то не доверху» [18, с. 161]; würti pešəp i ʃaŋki «с рыжими ляжками одна белка» [18, с. 60].

Следует, однако, заметить, что у одних и тех же авторов в сочетаниях с одними и теми же словами может использоваться как вариант ij, так и i, ср.: каз. ij ʃətʃa jīs, ʃaʃeʃ imi [peʃi] ləpəʃ «настал (один) день, бабушке [внук] говорит» [18, с. 70]; каз. i ʃətʃa jīs, in ʃon ewi ləpəjəʃ «настал (один) день, та царская дочь говорит» [18, с. 122]; каз. и хətəʃ пори йащсəт, муь кəт хətəʃ йащсəт, муь тəʃaŋ ʃapət йащсəт «то ли один день пили, то ли два дня пили, то ли целую неделю пили» [20, с. 115].

При этом часто кириллицей пишется и, а латиницей – то i, то ij. Это можно объяснить отсутствием единой орфографии для отдельных диалектов хантыйского языка, и в связи с этим авторы часто допускают подобные неточности.

В некоторых источниках вместо варианта иij используется повсеместно ии: каз. Ии нуки хот эвалт ии хə ким питəс «Из одного чума один мужчина на улицу выбрался» [21, с. 204]; каз. Алҗаҗая нух питсəт, ии хəйл лупийл «Утром встали, один мужчина спрашивает» [21, с. 130]; каз. Ии икилə вəʃ, тайл хəʃум пух «один мужчина живет, имеет трех сыновей» [22, с. 70]

Примеры использования субстантивированного варианта хантыйского числительного «один»: каз. ij ʃpəŋ-ət wərsətən ... – it pa wertɪ mosəʃ «один гроб сделали... - еще один сделать надо» [18, с. 128]; каз. ješa təxəʃʃək pīts, iməʃtiŋən itʃ ʃi ūwtmaʃ saʃʃ «[по дороге] подальше отъехала, вдруг слышит, как одна вскрикнула» [18, с. 130].

Интересно отметить, что в западных диалектах атрибутивный вариант числительного i / ij «один» может быть функционально приближен к неопределенному артиклю, функцию определенного артикля принимает на себя тогда местоимение in «тот, та, то»: каз. ij iki wənta mənəs «один мужчина в лес пошел», in iki pəʃ «(тот) мужик испугался» [18, с. 82]; imeŋən ikeŋən wəʃətən, ij ewi təjlətən «муж и жена живут, (одну) дочь имеют», i ʃətʃa jīs, in eweʃ pəʃa wənta ʃi mənəs «наступил (один) день, с (тою) своею дочерью в лес все же пошел он» [18, с. 84].

При повторении числительное «один» может принимать разделительную семантику и использоваться в значении «один... другой»: каз. ии икел Юхан Мув Ики, ии икел Ас Мув Ики «один мужчина – Речной Земли Мужчина, другой мужчина – Обской Земли Мужчина» [21, с. 18].

Особая функциональная значимость числительного «один» отмечается также во многих языках [10, с. 29; 17, с. 15–17].

В хантыйском языке для передачи понятия «один» (кроме числительного «один») используются также:

1. Наречие каз. atəʃ «один, в одиночку»: каз. Ma atəʃ wəʃləm ʃotəm «Я одна живу в доме» [18, с. 108]; каз. atəʃ koša (wə) atəʃtiŋem «один Гоша, единственный мой» [18, с. 54].

2. Существительное pələk «половина»: каз. nətəʃʃan ləwəm još pələk, kītʷʷerʃal ləwəm kūr pələk «немцами съедена одна рука, Гитлером съедена одна рука» [18, с. 47]; sempələk или əjseməp «одноглазый» [23, с. 238].

При исследовании вопроса происхождения и функционирования числительного «один» в хантыйском языке мы пришли к следующим выводам:

Хантыйское числительное «один» (зап. ij / вост. эј) могло образоваться от финно-угорской основы *ike, *iuke и первоначально означало «единство».

Разное звуковое оформление форм числительного «один» в хантыйском языке обусловлено, с од-

ной стороны, диалектными фонетическими различиями, с другой стороны, его функциональными особенностями: употреблением в атрибутивной и неатрибутивной функции.

Сокращения

Атр. – атрибутивный, вас. – васюганский, вах. – ваховский, венг. – венгерский, вост. – восточный, зап. – западный, каз. – казымский, конд. – кондинский, манс. – мансийский, морд. – мордовский, не-атр. – неатрибутивный, ни. – низьямский, обд. – об-

дорский, сал. – салымский, ср.-об. – среднеобский, сург. – сургутский, удм. – удмуртский, фин. – финский, хант. – хантыйский, шер. – шеркальский, шур. – шурышкарский, эрз. – эрзянский, эст. – эстонский.

Литература

1. Штейниц В.К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.-Л., 1937.
2. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермский и угорские языки. М., 1976.
3. Honti L. Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen. Budapest, 1993.
4. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
5. Эрнитс Э. К происхождению числительного «один» в разных семьях языков // Советское финно-угроведение. 1973. IX. № 3.
6. Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология I. Йошкар-Ола, 1964.
7. Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
8. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
9. Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967.
10. Быконя В.В. Имя числительное в картине мира селькупов. Томск, 1998.
11. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache: W. 11 T. Berlin, 1966–1991.
12. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Ленинград, 1981.
13. Мажюлис В.П. Индоевропейская децимальная система числительных // ВЯ. 1956. № 4.
14. Панфилов В.З. Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке // ВЯ. 1971. № 5.
15. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
16. Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. М., 1982.
17. Колбышева Ю.В. Система числительных нганасанского языка в сопоставлении с селькупским языком: Автореферат дисс. канд. филол. наук. Томск, 2003.
18. Слепенкова Р.К. Если моя песня-сказка дальше пойдет... Вып. 2. Ханты-Мансийск, 2003.
19. Айпин Е. Клюквинка и травяная косичка. М., 1997.
20. Сказки народа ханты: Ханти ёх моньщят: Книга для чтения в младших и средних классах (казымский диалект). Сост. Е.Е. Ковган, Н.Б. Кошкарева, В.Н. Соловар. Под ред. Е.А. Нёмысовой, Е.К. Скрибник. СПб., 1995.
21. Успенская С.С. Сказки-рассказы Земли Казымской. Томск, 2002.
22. Вагатова М. Маленький Тундровый Человек: Стихи и сказки / Предисловие В.Н. Соловар. Тюмень, 1996.
23. Collinder V. A Comparative Grammar of the Uralic Languages, 1960.